

18+

ГЕОРГИЙ ЗОБАЧ

Мы играли детьми в разведку

РАССКАЗЫ

Георгий Зобач

**Мы играли детьми
в разведку. Рассказы**

«Издательские решения»

Зобач Г.

Мы играли детьми в разведку. Рассказы / Г. Зобач —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510775-6

Простое советское детство 60-х годов. Дворовые игры по сценариям популярных фильмов. Рассказы из сборника «Заметки о неспортивном поведении» написаны человеком, который больше полувека отдал спорту. Произведение для широкого круга читателей и в первую очередь для детей и родителей.

ISBN 978-5-00-510775-6

© Зобач Г.
© Издательские решения

Содержание

Суворовец	6
Часть 1	6
Часть 2	8
Часть 3	10
Крестоносцы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мы играли детьми в разведку

Рассказы

Георгий Зобач

© Георгий Зобач, 2020

ISBN 978-5-0051-0775-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов посвящается моим детям и внукам.

Суворовец

Часть 1

Начало зимних каникул. Ребяшня на пруду играет в хоккей. СССР против Чехов. Две команды дружного поселка поделены на два лагеря. В те далекие годы эти сборные частенько противостояли за мировое золото. Перед игрой команды договаривались флаг какой державы, а вернее раскрашенная фанерка, будет за воротами. Нередко это решалось потасовками, которые не на шутку разогревали наш спортивный азарт. Имена прославленных хоккеистов распределялись уже намного проще в кругу своих команд. Коноваленко, Кузькин, Рагулин, Локтев, Майоров, Старшинов и Фирсов с одной стороны и Дзурилла, Иржик, Иржи и Голики с другой доставались старшим ребятам. А малышня обзывалась по-разному, но без унижительных кличек. Выигрывать надо у грозных врагов.

Кто-нибудь из старших всегда комментировал наши турниры, придавая им красочность и, заодно, подбадривая нас на сражения. Он же одновременно выступал третейским судьей в спорных ситуациях на ледовом побоище.

Как обычно, после хоккейной баталии почти вся ледовая гвардия направилась к колонке, чтобы утолить жажду после почти двухчасовых стычек и потасовок у ворот противников.

Уже дружная, но измотанная борьбой за победу, ватага мальчишек и девчонок брели к водопою.

В тот день около колонки стоял незнакомый мальчишка суворовец, лет двенадцати. В черной длинной шинели с красными погонами и красной звездой на ушанке. Мы обступили его кругом и стали заваливать вопросами. Кто? К кому? Откуда?

После вопросов и ответов, не сговариваясь, все решили играть в войну. Через несколько минут уже вооруженная гвардия нашего и соседнего двора согласовывали правила игры. Я, радостный, стоял рядом с соседом и одноклассником Саней. Мы с ним попали под руководство новоиспеченного командующего-суворовца и уяснили свою ответственность и задачи. У меня кортик и пистолет с пистонами, мой сосед Саня с ружьем из зеленой трубы от старой батареи, но с настоящим лаковым прикладом, придававшим ружью реально грозный вид. А зеленая труба позволяла в летних военных играх быть Сане снайпером, ведь такой ствол хорошо маскировался в кустах.

Набегавшись по крышам сараев, сугробам и наползавшись в канавах, мы сидели на остановке малоколейки, которая вела в соседний поселок. Единственный фонарь на дороге отбрасывал длинную тень от старой будки, служившей днем кассой по продаже билетов. Но мы знали, что билеты покупали только молодые специалисты с завода или какие-то приезжие. Местные взрослые ездили бесплатно по-братски, а малышня на подножках и зацепах, как грабители поездов из знаменитых вестернов.

В темный, морозный вечер, под слегка качающийся фонарь, все замороженно слушали рассказы суворовца о буднях училища. О том, что на учениях им дают винтовки стрелять по мишеням, а старшим даже автоматы. Что будущие офицеры должны знать тактику военного дела и поэтому их учат работать с картами. Мы часто его перебивали просьбами разъяснить что-нибудь более доходчиво. Сидели мы долго, пока за кем-то не пришли родители и нас сразу разогнали по домам. Обычно такой морозец не располагал к долгим посиделкам. Но, всем было интересно послушать, как и чему учат в училище.

По дороге домой, растирая нос вязаной варежкой, я уже знал, что хочу дальше учиться в Суворовском училище и стать потом офицером. В голове уже прикидывал, какие мне мероприятия провести дома, чтобы родители отправили свое чадо в учебное заведение, где инте-

ресные и суровые, чисто мужские, условия для учебы. Я готов был объявить при отказе голодовку или кататься в истерике по полу, что на меня не было похоже. Но что не сделаешь ради своего бравого офицерского будущего.

Прежде чем войти в квартиру, мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы очистить себя от снега. Вытащив веник из перил, я сначала смел снег с валенок. Снял свою шубу и, предвидя возражения родителей на дальнейшие мои планы, я с силой колотил ею перила. Обида и злость, что меня не будут даже слушать, кипела во мне. Открылась дверь, мама укоризненно покачала головой. Когда я вошел в комнату, отец сидел за столом, читая газету. Переминаясь с ноги на ногу, почти со слезами я стал громко говорить им, что я хочу поступить в Суворовское училище. И что буду учиться на пятерки и стану офицером. Слезы уже катились по щекам. Отец посмотрел на меня поверх очков.

– Хорошо! Я думаю тебя возьмут. Но ты закончи четвертый класс, и мы вместе поедem туда. Поступают в училище после начальной школы. Мать, ты согласна? – он опять углубился в чтение, а мама, стоя в дверях, кивнула утвердительно головой.

Довольный, хлюпая носом я уплетал ужин и прогулянный обед. Я уже видел себя военным. Мама мне еще добавила жареного лука в гречневую кашу, приговаривая – военные должны хорошо есть!

Еще дня три мы играли в войнушку. Суворовец, погостив у своей бабушки, уехал. Мои друзья уже знали, что меня повезут после четвертого класса в Суворовское училище и некоторые даже завидовали. А в поселке на пруду опять возобновились ежедневные турниры по хоккею!

Часть 2

Закончились зимние каникулы. В школе объявили о весеннем областном спортивном смотре школ. Надо разучить на уроках физкультуры определенные гимнастические элементы и выступить. В нашей начальной малокомплектной школе, где было всего 4 класса, был маленький спортивный зал. Шведская стенка, несколько спортивных матов и теннисный стол – вот и весь спортивный инвентарь в этом маленьком помещении по площади чуть больше теннисного стола. Правда, в кладовой были лыжи для уроков физкультуры. Я не помню, чтобы кто-то носил свои лыжи в школу. Всегда занимались на школьных.

То, что надо было научиться делать, я, да и многие наши мальчишки, умели уже. Это были простые упражнения: отжимания от пола, подъем ног из положения лежа, приседания pistolетиком и кувырки. Правда, это надо было исполнять в определенной последовательности с конкретными переходами. Я старался это заучить и тщательно выполнял на любой перемене. А дома, когда отрабатывал элементы программы, отец мне подсказывал, где тянуть носочки, как стоять правильно между переходами, чтобы не было больших остановок. Остальные ребята выполняли это только на уроках физкультуры, как домашнее задание, лишь бы получить нормальную оценку. И когда наша учительница Галина Ивановна сказала мне, что я поеду выступать, я летал от радости и гордости, что буду представлять нашу школу, хоть и ученик третьего класса.

Родители мне купили новые чешки, белые носочки, черные трусы и белую майку. Дома отец попросил маму пришить мне белую шелковую ленту на трусы в виде лампасов. Я иногда открывал шкаф и смотрел на этот спортивный костюм. Я не мог дождаться того дня, когда поеду на соревнования.

В марте чехи опять взяли серебро, уступив нашей знаменитой хоккейной сборной. Мужики в поселке только и судачили о хоккейном турнире. Все переживали за нашу сборную. А я отрабатывал приседания pistolетиком, тянув носочек и с упорством стоял на руках в стойке, хотя для выступления мне это не надо было делать.

Наверное, впервые в жизни я был полностью сфокусирован и знал, что хочу выступить хорошо. И так был погружен в предстоящее выступление в Ленинграде, что оно отвлекло меня даже от спичечных этикеток, которые я собирал уже несколько лет. И около двух десятков интересных этикеток, которые привезла мне сестра из города, пока лежали неразобранные по альбомам в определенные тематики.

В апреле, в воскресенье, Галина Ивановна повезла меня в Ленинград на спортивный смотр. Мы должны были встретиться на платформе. Я с портфелем, где была спортивная форма для выступления и бутерброд с докторской колбасой, пришел на пятнадцать минут раньше назначенного времени. Стрелка на больших часах билетной кассы двигалась медленно. Народ понемногу стал подходить на платформу. Вдалеке показалась и моя учительница.

В вагоне тепловоза я сел около окна. Солнце уже светило по-весеннему ярко, да и рубль с тремя десятикопеечными монетами на экстраординарные расходы подогревали мне настроение. От Финляндского вокзала мы доехали на трамвае до школы, где я должен был показать заданную программу.

Около школы и в самой школе было столько народу, что мне казалось в нашем поселке жителей, наверняка, меньше. Учителя, школьники и даже некоторые дети с родителями. Я переделся в каком-то классе. Затем мы поднялись на балкон спортивного зала.

Я чувствовал, что нахожусь во дворце счастья. Мне все нравилось. Спортзал был огромный и светлый. Там были приготовлены несколько дорожек из матов для проведения соревнований. Около матов находились столы, за которыми сидели учителя или судьи. Галина Ивановна принесла мне матерчатый номер 34 и булавки. Я сказал, что это «ЗобаЧ» сокращенно.

Она погладила мне чубчик и попросила не волноваться. И тут появилось волнение. Я пытался сконцентрироваться. Но волнение возрастало. Я выбежал в коридор, чтобы повторить некоторые элементы из программы, волнение немного ушло. Почти час я маялся на балконе, с нетерпением ждал своего выхода. Но в зал я не смотрел, с интересом разглядывал на стене большие фотографии известных чемпионов мира и олимпийских игр по гимнастике. Как я хотел в детские годы заниматься гимнастикой! Самостоятельно научился делать стойку на металлических брусьях, которые были на школьном дворе. С соседом Саней на перекладине мы крутили часто «солнышко», когда не было учителей поблизости. Я заворуженно смотрел в спортивных журналах на фигуры наших знаменитых гимнастов. Но к большому моему сожалению, не было рядом с домом такой секции. Я и сейчас иногда вспоминаю с жалостью об отсутствии такой возможности.

Часть 3

И вот я стою перед матами. Зачитывают мою школу и фамилию. Я готов.

Передо мной встала женщина в спортивном костюме с бумажкой и ручкой. Она дала мне знак начинать. Я стал выполнять элементы моей программы, к слову сказать, эту программу делали все выступающие. Я старался тянуть носочки, как наказывал мне отец и не отвлекаться на разные звуки. Я не опускал головы до выполнения кувырка и видел, что женщина что-то помечает с улыбкой. После кувырка надо было встать и выполнить простые движения руками, но я так увлекся, что с ходу выполнил и колесо. И встал как вкопанный перед судьей. Женщина чуть отклонилась, широко мне улыбнулась и направилась к столу.

Галина Ивановна еще раз погладила меня по голове и отправила переодеваться. Поднявшись на четвертый этаж, я вошел в класс, где оставил свою одежду и портфель. Там находилось несколько мальчишек, они почти переоделись. Я с трудом нашел свои вещи, лежащие в куче уже на полу. Через минуту ноги несли меня по лестнице, огибая попавшихся мне на пути школьников и взрослых. Волнение исчезло, но нарастал дикий восторг. Моя учительница стояла с какими-то учителями. Она попросила подождать ее. Поехали домой вместе с группой учителей и школьников. Как оказалось, они были из Всеволожска. Несколько раз в вагоне учителя прикрикивали на нас, чтобы мы себя вели тише. А мы, радостные, бегали по вагону играя, не поверите мне, в прятки. В вагоне раздавался громкий смех, когда водящий натывался просто на пассажиров, вводя их в недоумение и нервозность. До Всеволожска нас было не уговорить. Груз ответственности с нас скатился, видимо, сразу после выступления.

На следующий день я не пошел в школу. Утром рано отец, сестра и я поехали в Ленинград. Людмила учиться, а я с отцом в магазин за новой швейной машинкой. Мы получили открытку, что пришла очередь на покупку швейной машинки «Келлер «Зиг-Заг», мама давно мечтала о такой покупке. По дороге в город сестра немного донимала меня, то обнимет, то ущипнет. Она мне не давала смотреть спокойно в окно, я же не каждый день ездил в Ленинград. В вагоне, где мы ехали, ее многие знали, здоровались с ней, улыбались ей и нам. Она, наверное, радовалась весне, было уже сравнительно тепло и на Людмиле был новый плащ, который мама недавно сшила ей. Меня же интересовали картинки, пробегающие в окне.

Приехав на Финляндский вокзал, Люда пошла в метро, а мы с отцом поехали в магазин на автобусе.

Машинка оказалась в какой-то дубовой тумбочке. У нас дома была полностью металлическая «Зингер», еще из Норильска. Я нередко сам садился за нее. Мама даже мне позволяла прошивать кое-какие выкроенные вещи по прямой. И часто меня хвалила, шов я держал уверенно. Я частенько шил себе погоны. Которыми отец хвалился своим знакомым. Погоны шились двусторонними, разного цвета и ранга. Для придания жесткости погонам я вставлял картон, вырезанный из пачек «Казбека». Картон был хорошей плотности и гляцевый на ощупь. Пустые пачки от папирос, купленные к празднику или по другому особому случаю вроде премий, доставались мне от отца.

Тумбу завернули нам в серую бумагу, а отец еще одел на тумбочку ремни, которые взял с собой из дома. На улице папа поймал машину, и мы вдвоем загрузили покупку на заднее сиденье, куда и я уселся. По дороге отец о чем-то шептался с водителем. Через некоторое время мы остановились, отец вышел из машины и открыл передо мной дверцу. Я стоял около ограды и не понимал, зачем здесь нам понадобилось остановиться. Только приглядевшись, я увидел мальчишек в военной форме с лопатами и метлами, убирающих вдалеке территорию. Это было Суворовское училище. Но в моем, детском еще сердечке, почему-то ничего не екнуло. Соревнования оказали на меня такое сильное впечатление, что мечта о Суворовском училище как-то потускнела. Отец, глядя на меня, по улыбался и мы сели опять в машину.

На следующий день на школьной линейке директриса попросила меня выйти из строя. Ну все, – подумал я, – опять меня будут ругать за пропуски. Я стал быстро перебирать, что мне соврать на этот раз (ведь даже после Нового Года я уже не раз прогуливал школу): зуб уже болел, сломанный замок уже был, а если температура, то почему один день, все не подходило. И я медленно плелся к середине, где стояла тумба с бюстом Ленина. Но интуиция меня подвела. Директриса своим властным голосом, который на нас нагонял иногда панический страх, за что мы ее боялись даже встречать на улице вне школы, объявила о моем великолепном выступлении на спортивном смотре и наградила меня альбомом для рисования и набором цветных карандашей.

Дома по этому поводу приготовили мои любимые драники. А отец попросил меня еще раз пересказать, как я выступил.

Крестоносцы

Рассказя посвящаю всем, кто вырос во дворах. Кто с детства знал, что жизнь не сказка.

«И пытались постичь
Мы, незнавшие войн,
Завоенственный клич
Принимавшиевой,
Тайну слова "приказ",
Назначенье границ,
Смыслатаки и лязг
Боевыхколесниц.»
В. Высоцкий

Для пацанов моего поколения война – это игра. Были разные военные игры, и вот мое повествование о том, что осталось в моей памяти и не раз я пересказывал своим знакомым.

В начале шестидесятых мы, пацаны, да и взрослые тоже, были зачарованы польским фильмом «Крестоносцы». Естественно, во дворах сразу появились местные «крестоносцы». И наш двор, а вернее ребят с нашего двора тоже впечатлил фильм сего историческо-героической фабулой.

Младшие все сваливали на меня. Мол, это я сказал о булавах и подначил их на применение оных в споре благородными рыцарями-крестоносцами. Но я, честно, не помнил, кто подал эту идею. Меня бить или обижать было нельзя и это все знали. Но это совсем другая история. Так и осталось в разговорах ребят, что я промолвился о булавах, «булавы пользовались большим уважением у всадников – нет коня, но есть булава», твердил, мол я.

И вот, когда мы, детвора, вечером просто сидели на детской деревянной горке, Геша таинственным голосом позвал нас к своему сараю. Перед сараем мы все остановились и окружили какой-то накрытый предмет на снегу. Геша быстро сдернул мешковину и осветил его фонариком. Первые ряды попятились назад. Кто находился за спинами и не смог рассмотреть, тоже испугались реакции пацанов, перед которыми озарился шлем крестоносца. Если бы мы увидели голову профессора Доуэля, наш испуг был бы меньше. Минут пять мы приходили в себя. Геша знал, чем нас удивить. Мы всю неделю только и говорили, и грезили о крестоносцах. И вот тут, как бандерлоги, пацаны прилипли взглядами к шлему и стали протягивать свои ручонки, чтобы понять или ощутить его власть и непобедимость. Но тут же получили по рукам длинной рейкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.